

RU

Особенности стиля мышления М. К. Мамардашвили: респонзивно-эпиграфологическая техника мысли

Петрык Я. Ю.

Аннотация. Цель исследования – экспликация константных черт и характерных особенностей авторской техники философствования М. К. Мамардашвили. В представленной статье пояснена ценность «эстетического экзистенциализма» как стержневого, стилистически-моделирующего и смыслового концепта в философии мыслителя, задействовавшего потенциал «респонзивности» как деятельно-активного и «призывного» начала в мыслительной процедуре, а также «эпиграфологичности» как смыслового «конденсата» в мышлении. Научная новизна изыскания заключается в реконструкции и анализе «респонзивно-эпиграфологической техники мысли» М. К. Мамардашвили, так как представленный аспект в специальных работах философом не артикулирован. В результате изыскания автор выдвинул положение о том, что экзистенциально-антропологические воззрения М. К. Мамардашвили получают структурированное и емкое тематическое оформление, если учитывать стилистический аспект «респонзивно-эпиграфологической» техники мысли.

EN

Features of M. K. Mamardashvili's style of thinking: the responsive-epigraphological technique of thought

Y. Y. Petryk

Abstract. The study aims to explicate the constant traits and distinctive features of M. K. Mamardashvili's authorial technique of philosophizing. The article explains the value of "aesthetic existentialism" as a core, stylistically modeling, and semantic concept in the philosopher's work, which utilized the potential of "responsivity" as an active and "vocative" principle in the thinking procedure, as well as "epigraphologicity" as a semantic "condensate" in thinking. The scientific novelty of the research lies in the reconstruction and analysis of Mamardashvili's "responsive-epigraphological technique of thought", as this aspect has not been explicitly articulated in specialized works on the philosopher. As a result of the study, the author posits that M. K. Mamardashvili's existential-anthropological views gain a structured and concise thematic form when the stylistic aspect of the "responsive-epigraphological" technique of thought is taken into account.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что стиль мышления М. К. Мамардашвили (1930-1990), далеко отстоявший от предельной лаконичности и академической ясности, так как мыслитель был увлечен аскриптуральным методом искания истины и сознательно воздерживался от логической транспарентности рассуждений, неизменно вызывает бурные дискуссии у исследователей (А. М. Пятигорский, Ю. П. Сенокосов, Н. В. Мотрошилова, В. В. Калинин (Кругликов, 1994). Устный, монологический характер авторского подхода к философствованию буквально порождает насущную необходимость рассмотреть особую технику мысли М. К. Мамардашвили, которая формально упорядочивает и последовательно организует процедуру мышления, способствуя тематическому оформлению творчества мыслителя.

В философии двадцатого столетия проблема стиля мышления – одна из наисложнейших проблем (Лосев, 2019, с. 78). Толкование «стиля» как упорядочивающей формы, «модели формообразования» (Гуревич, 2011, с. 106) является приоритетным, но всегда требует уточняющих дополнений. Стиль не есть «чистая форма» (Лосев, 2019, с. 276) или субъективное качество, стиль не может быть понят как «закон организации» (Гуревич, 2011, с. 106). Существенной характеристикой стиля является эстетическая категория «выражения», полагающая необходимость всестороннего воплощения смыслов культуры и наличествующая только в условиях максимальной «открытости» самой личности культуре (Гуссерль, 2005, с. 135).

Потенциал самотрансформации личности и её «открытость» культуре импонируют М. К. Мамардашвили, превращая его «стиль мышления» в динамически развивающуюся структуру, которая чутко реагирует на внутреннюю модификацию личности самого реципиента (Барышников, 2005, с. 158). Философ полагает, что «стиль» «канализирует» и «определяет» как само мышление (Мамардашвили, 1997, с. 188), так и его важнейшие тенденции в культуре обнаруживаются не просто особым когнитивно-творческим усилием мыслителя, но и напрямую «задействуют» оппонента ввиду исходной диалогичности процесса (Калиниченко, 2004, с. 15). А также именно стиль становится существенным условием философствования (Мамардашвили, 1997, с. 188) как такового и специфической пропедевтикой любой из философских систем (Петрык, 2023, с. 124).

Не единожды в собственном творчестве мыслитель подчеркивал и ценность экзистенциальной мысли в истории философии: «философия всегда была экзистенциальной и во времена Платона, и во времена Хайдеггера» (Мамардашвили, 2000, с. 24). Насыщая экзистенциальными идеями собственный философский дискурс, М. К. Мамардашвили провозглашает идею о том, что «экзистенциально-онтологические условия» (1995, с. 297) мысли были фундированы «эстетизацией картезианского опыта *cogito*» (1995, с. 299), а процесс мышления одновременно и исконно эстетичен и экзистенциален, так как экзистенция во всей полноте воплощается только в страстном, «патетическом мышлении», а процедуру логической дедукции нельзя полностью изъять и изолировать от эмоционально-чувственного начала экзистенции. Амплификация процедуры мышления патетической составляющей не только имманентна процессу, но и раскрывает персонифицирующе-творческий потенциал личности, формируя при этом одновременно диалектическое единство и возможность различия в культуре, так как в разнообразных экзистенциальных потоках порождается «множество сходных мыслей и идей» (Мамардашвили, 2000, с. 23). Подобная практика философствования, в своем основании, является «эстетическим экзистенциализмом», раскрывает произвольный, свободно-творческий характер человеческой природы и симфонична умонастроению философа (Доброхотов, 1996, с. 233).

«Эстетическое» в рамках феноменологии (М. Дюфрен) толкуется как возможность непосредственного и прямого «схватывания» целого, а «эстетическая концептуализация», предполагающая «самоописание» и «самопонимание», как ««появление» смысла самому себе» (Беккер, Гайгер, Дюфрен и др., 2019, с. 194), является существенным аксиологическим элементом процедуры мышления (Лехциер, 2007, с. 137). Возвышение статуса мышления до «эстетического мышления» продиктовано необходимостью придать ему цельность и полноту, интегральность и всеохватность, а также постигнуть его неизменную, но динамичную, «производящую» структуру, благодаря которой человек обретает дар проникать в «таинственные», изначально неотрефлексированные глубины экзистенциального опыта – таков основной тезис работы «Эстетика мышления» М. К. Мамардашвили (Подорога, 2021, с. 16). Философ объединял акт человеческого существования и акт рождения мысли в цельный концепт «эстетического экзистенциализма», для выражения которого и потребовался особый технический прием – «респонзивно-эпиграфологический».

Таким образом, стиль философствования М. К. Мамардашвили – это одновременно экзистенциально-мыслительный, безусловно автохтонный опыт и «проба» существования, «бытийно-личностный» эксперимент, требующий уделять предельное внимание именно «формально-технической» стороне философствования, задающей особенный экспрессивно-эмоциональный тон мысли и совершенно особый «побуждающий» тонус мышления.

Исходя из ранее сказанного, объектом исследования являются особенности экзистенциально-эстетического стиля философствования М. К. Мамардашвили, а предметом исследования становится авторский подход к мышлению – «респонзивно-эпиграфологическая» техника мысли, что требует разрешения следующих задач:

1) прояснить особенности и границы техники мышления философа и разъяснить смысловое значение «респонзивности» и «эпиграфологичности» как общезначимых, основополагающих категорий в творчестве М. К. Мамардашвили;

2) обосновать «респонзивно-эпиграфологическую» технику мысли, как репрезентативно-рефлексивный прием с возможностью поливариативности его толкований, что, в свою очередь, может стать предпосылкой к пониманию некоторых антропологических констант и тенденций теоретизирования в современной философии.

В ходе исследования в статье применяются методы реконструкции, экспликации и герменевтики. Ввиду того, что феномену «респонзивно-эпиграфологической» техники мышления философ не посвятил разъясняющей работы, вполне уместен опыт реконструкции данного аспекта философского учения мыслителя. В силу указанной причины оказываются важны методы экспликации и герменевтики, которые помогают структурировать и концептуализировать идеи и положения М. К. Мамардашвили, выявить ценностные основания его философской мысли.

Материалом для исследования послужили работы философа (Мамардашвили, 1997; 1995; 2000; 1996; 1992; 2011).

Теоретическую базу исследования составляет совокупность научных изысканий, посвященных вопросам философской эстетики (Гуревич, 2011; Рансьер, 2004), проблеме стиля философствования и стилиобразования (Гегель, 1969; Лосев, 2019; Ознобкина, 1998), проблеме трансляции экзистенциально-аксиологического опыта человека (Барышников, 2005; Гагарин, 2014; Гуревич, 2004; 2009; Гайденок, 1997; Сартр, 1984), а также приемам феноменологической эстетики (Беккер, Гайгер, Дюфрен и др., 2019; Лехциер, 2007). Философская мысль М. К. Мамардашвили синтетична, опираясь на феноменологию и экзистенциализм, критически усваивая положения Э. Гуссерля (2005) и Ж.-П. Сартра (1984), философ занимается проблематикой «понимания» и «личного знания», которая и проистекает из феноменологических штудий, проясняющих позицию Я в сознательном акте и дающих возможность Я открываться миру и самому себе. Экзистенциализм, максимально вплетенный

в эстетическую концепцию «выражения», дает преимущество прямого усвоения экзистенциального опыта субъектом. Таким образом, основываясь на экзистенциально-феноменологической парадигме мышления философа возможно получить целостное представление и о «технике» его философской мысли.

Практическая значимость заключается в возможности использовать материалы исследования в практике преподавания различных университетских курсов: от истории русской философии до аксиологии и философской антропологии.

Обсуждение и результаты

Проблема самобытности стиля и особенностей артикуляции мысли Мераба Константиновича Мамардашвили неизменно остается дискуссионной ввиду того, что приоритетной задачей философии во все времена является необходимость оценки когнитивного потенциала тех или иных мыслительных стратегий и практик в философском теоретизировании.

В этой связи, «технические» приемы мышления, безусловно, требуют особого внимания. Если «содержание» экзистенциально-феноменологической парадигмы мыслителя раскрывается в понятиях «эстетизиса» и «патематики», то оригинальные «формы», в которых функционирует мысль М. К. Мамардашвили, – это «респонзивность» (акт активного взаимодействия с миром и задача «побудить» к мышлению сознание другого) и «эпиграфологичность» (экзистенциальный «понимательный конструктор», место максимальной концентрации смысла, благодаря которому возможно начало философствования).

М. К. Мамардашвили (1997) в опубликованных лекциях употреблял разнообразные майевтические приемы, пробуждая в слушателях своеобразное состояние «экстаза» рождения мысли. Подобное состояние безусловно «эстетично» не в силу того, что несет «радость мышления», а благодаря тому, что стремится «экземплифицировать» саму мысль – сделать её сокровенно-личностной и уникально-индивидуальной. Вследствие этого, заявленная «респонзивность», которая буквально трактуется как «ответ на зов бытия», являясь стимулом, призывом и «личным обращением» философа к потенциальному реципиенту, существует как прием, побуждающий к персональному (никогда в своей самобытности больше неповторимому) когнитивно-экзистенциальному акту мышления.

В контексте данного повествования важно отметить то, что «респонзивность» в философии М. К. Мамардашвили не восходит напрямую к М. Хайдеггеру, провозгласившему главнейшей задачей человека «аудицию» – вслушивание в «зов бытия» (1993, с. 201), а трансформируется через творчество Л. Альтюссера и толкуется как отрицание «интерпелляции» (Встреча..., 2016, с. 138). «Интерпелляция» как термин, используемый Л. Альтюссером, – это «окликание» полицейским, зов официального лица; буквально добровольное подчинение в качестве субъекта определенным идеологическим структурам. Отбросив «репрессивно-идеологический» характер данного термина, М. К. Мамардашвили апеллирует к экзистенциальной составляющей этого слова. Задача философа – «кликнуть», привлечь внимание, заставить задуматься, а главное, предложить человеку такой порядок бытия, в котором происходит добровольный отказ от бездумного, «слепого» соблюдения обычаев, традиций, социальных ритуалов, отказ от безотчетных действий, неосознанных поступков, необдуманных событий, где подвергается критике любой автоматизм, рутинно-конвейерное существование и, что особенно важно, конформное, трафаретное, клишеобразное мышление. М. К. Мамардашвили стремится утвердить и зафиксировать состояние предельной осознанности субъекта, способного «нырнуть» в глубину собственной экзистенции, и тем самым содействовать абсолютной элвтеронии индивида и свидетельствовать о его персональной «незаместимости» в этом мире (1997, с. 167).

Второй термин, который используется для описания техники мышления философа – это «эпиграфологичность». Данный термин был предложен В. А. Подорогой в работе «Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии» (2021, с. 268). «Эпиграфологичность» в толковании В. А. Подороги – это очень емкий методологический прием, который одновременно «умещает» и освещает линию рассуждений философа, свидетельствует о высоком когнитивном статусе искусства и удостоверяет «обращенность» самой философии к литературе.

Литература, будучи «органом самопонимания» человека (М. К. Мамардашвили), помогает читателю осознать и осмыслить собственные эмоции и страсти. В громадном массиве литературного творчества особое внимание философ уделяет не только искусству поэзии, способному сделать самоочевидным действие «стихийных сил» в человеческой природе (Мамардашвили, 2011, с. 89), но и прозаической форме – роману, который при вдумчивом прочтении порождает множество идей, настроений и мыслей, но главное, содействует тому, что читатель «канализирует» (направляет в правильное русло) и определённым (экзистенциальным) образом «оформляет» собственные пафосы и страсти (Мамардашвили, 1995, с. 289).

Утверждая императивность экзистенции, М. К. Мамардашвили опирается на литературное произведение (например, анализирует «Поиски утраченного времени» М. Пруста) для того, чтобы в ходе рассмотрения актуализировать законы экзистенциальной патематики, сделать очевидной ту инвариантную, универсальную структуру человеческих страстей, которая сокрыта в глубине человеческого бытования, и придать экзистенции её, пусть незаконченную и незавершенную, но ценностную форму (Мамардашвили, 1995, с. 114).

Приступая к анализу романа, философ предвзывает свои рассуждения «эпиграфом». И всякий раз, очерчивая ту или иную существенную экзистенциальную тему, последовательно прокладывает путеводную нить собственных суждений, которые не являются «готовыми» идеями. Необходимо еще совершить множество мыслительных операций, чтобы разяснить, истолковать, объяснить для самого себя, «сделать» это знание сокровенно личностным. Таким образом, чисто технически, термин «эпиграфологичность» в наследии М. К. Мамардашвили помогает

«отыскать начальную смысловую форму» рассуждений (Подорога, 2010, с. 254). «Цитата-эпиграф», будучи неким исходным смысловым кодом, таинственным шифром и точкой отсчета, ведет неутомимого слушателя в мир «собственноручно» постигаемых смыслов. Цитата-эпиграф – это топос в пространстве мышления, от которого следует оттолкнуться, чтобы начинать мыслить «вместе» с философом, находясь в ламинарном потоке; осуществлять анализ этого «сгустка мысли», чтобы обнаружить узловой, главный смысл сообщения, действительно «понимая» не просто перипетии литературных героев, а собственную экзистенциальную трагедию.

В. А. Подорога отмечает: «Эпиграф – буквально означает надпись на камне», «компактное высказывание», которое «подытоживает путь человека» (2021, с. 268). Он помогает улавливать «будущую тональность текста», «выражая смысл в виде загадки» (Подорога, 2021, с. 269). Увлеченный читатель, благодаря эпиграфу, обретшему особый смысловой статус в творчестве философа, получает способность «персонального», по сути, абсолютно личностного толкования потаенного смысла, сокрытого в эпиграфе. Цитата – эпиграф побуждает к размышлению и сообщает «неизбежность толкования» (Подорога, 2021, с. 269).

Вбирая в себя весь сложнейший эмоциональный комплекс экзистенциальных пафосов человека, эпиграф обозначает возможность максимального, медитативного по природе сосредоточения мысли и, одновременно становясь «принципом понимания», побуждает открывать новое и исследовать то, что зашифровано в его глубине. «Эпиграф» конденсирует и амплифицирует смысловое значение, но таит в себе символическую амбивалентность: с одной стороны, будучи условием мыслительного процесса, позволяет войти в «царство мысли», а с другой стороны, препятствует и затрудняет это вхождение, как загадка, которую загадывает сфинкс.

Иллюстрировать особую авторскую технику мыслителя возможно самой характерной «цитатой – эпиграфом»: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно...» (Мамардашвили, 1989, с. 88-96).

Философ глубоко убежден в том, что «искусство мысли», процедура мышления, невозможна без четкого дефинирования когнитивных понятий. Феномен присутствия ответственной личности в мире связан с актуализацией правильного наименования вещей, «называния собственным именем», иначе все будет подвержено эмпирическому распаду и гибели, а человеческая личность так и не сможет «осуществиться». М. К. Мамардашвили, в ходе собственных лекций, неизменно повторяет одну мысль: акт мышления можно признать несостоявшимся, если мы не были логически точны: «Без логически точного мышления уничтожается возможность самого воспроизводства истины», и «будет разрушена её онтологическая основа» (2011, с. 22).

В. А. Подорога указывает на «двойственность» смысла термина «точность» в философии М. К. Мамардашвили. Во-первых, точность со времен возникновения самой философии мыслится «как строгость, последовательность и законченность мысли» (Подорога, 2021, с. 236), а, во-вторых, понятию «точность», конкретно в философии классика двадцатого столетия, может быть задан следующий смысл: точность – это «нахождение и удержание мысли в избранной точке (топосе)» (Подорога, 2021, с. 236). Согласно трактовке В. А. Подороги (Мамардашвили, 1997, с. 72-73), задача любого мыслящего индивидуума состоит в том, чтобы, пребывая в когнитивном тоне, перманентно отслеживать неточности, и даже за «неряшливой формой» видеть «красивое тело мысли» (Мамардашвили, 1997, с. 73). Последнее становится возможным только тогда, когда мышление не просто является логически выверенным, но, когда сам мыслящий субъект обладает способностью «возвратного движения» к началу мысли с возможностью ее «доопределения» и «переопределения». То есть точность мысли – это всегда её «топологичность»: обретение исходного (места) начала мысли, удержания её в равновесии, и возможность получения новой истины, которая не будет повторением уже сказанного. Только таким образом человек обретает устойчивую экзистенциальную почву и получает способность «умещать себя в этом мире» (Мамардашвили, 1995, с. 208). Понятие «точного мышления» у философа отождествлено с драматически-напряженной, личной работой мысли, перманентным интеллектуально-эмоциональным тоном личности, стремящейся к аутентичному существованию как «самопониманию».

Особенностью стиля мышления М. К. Мамардашвили становится то, что он изначально отрицает «робинзонаду» мысли: человек мыслит только входя в культуру, где когнитивный умвельт непродуктивен. А стало быть, человек, только во взаимодействии с другими «центрами» мысли, творит и осуществляет себя: «я со-бытийствую с какой-то другой точкой и тем самым реализую и создаю себя» (Мамардашвили, 1997, с. 372). Мыслить – это означает «затрагивать» другого, сообщать ему «жажду» обретения смысла и «желание» осознанного, «нешаблонного» бытия. Подобное «обращение» к тоническому сознанию другого, побуждение мыслить самостоятельно и воплощается в категории «респонзивности».

Таким образом, человек в «эстетическом-экзистенциализме» М. К. Мамардашвили – это когитально-эмоциональное экзистирующее существо, познающий субъект и личность, которая самостоятельно конструирует и осуществляет себя, индивидуализирует и персонифицирует, удостоверяет свою самобытность и уникальность и которая никогда не есть нечто готовое и окончательно ставшее. Человек, как существо непредданное, событийно свободное, оказывается постмодернистским «открытым финалом»: без иллюзий и гарантий, акт за актом, выстраивает собственную жизнь, «собирая себя» на собственный страх и риск.

Отсутствие заранее предначертанной судьбы извечно движет человеком, дает ему страстную «необходимость» «самоисполнения», а значит, реализации того скрытого потенциала, который он несёт в себе. Понятие «эпиграфа» в ходе осмысления важнейших экзистенциальных задач является не просто методологическим приемом философа, но и «ценностным основанием», благодаря которому человеческое существование может быть «канализировано» и осознано. А ввиду того, что М. К. Мамардашвили стремится осветить «всеобщие условия возможности экзистенции» (Григорьян, 1973, с. 178), а не только личностный, уникальный абрис пафоса конкретного человека, то «эпиграф» становится инструментом схватывания универсальных, всеобщих

духовных структур человека, и, как метод, именно он оказывается способом развернуть и раскрыть эти структуры в последовательном анализе, выявляя их общую инвариантную природу.

Существовать, по мнению мыслителя (и это верно для любого человека, а не только для философа), означает мыслить. А мыслить – это значит «откликаться» с огромным жизненным любопытством на вариативность смысловых «данностей». «Респонзивно-эпиграфологическая» техника мысли подходит для подобной процедуры идеально. Она вовлекает человека в пространство «извлечения смысла», «заставляет расшифровать то, что погибнет, если мы его не расшифруем» (Мамардашвили, 1996, с. 148), и в тоне рефлексивного сознания нуждается перманентно возвращаться к истоку мысли, обогащаясь новым «понимающим знанием», не только погружаясь в полный анализ собственных эмоций и страстей, но и создавая общий фундамент современного философско-антропологического теоретизирования.

Заключение

Представленный вариант реконструкции особенностей оригинального стиля мышления М. К. Мамардашвили дает возможность сделать следующие выводы.

Особенно ярко стиль философствования М. К. Мамардашвили проявляется именно в формально-технической практике мышления. Создавая особую форму рефлексии на основе «аскриптуральной парадигмы» Сократа, философ оригинален тем, что его стиль представляет собой не просто вольную модификацию канона, амплифицируя константные, очень сложные в интерпретации и описании поливариантные и многоуровневые системы, но, наполняясь совокупностью приемов и идей, оказывается динамичным и вариативным, что и предполагает «свежесть» трактовок, новизну теоретизирования и определяет общий «организационный темп» (тонус) мысли.

Артикулируя эстетический опыт сознания, М. К. Мамардашвили обращается к эвристическим потенциям, которые насыщают форму мысли до активного смыслообразующего события. Подобный поход способствует рефлексивной идентификации феноменальности смысла в мышлении и в полной мере раскрывает его во вне-рациональной эстетически-экзистенциальной специфике. В рамках той особой техники, которую использует мыслитель, возможно конструирование такой модели мышления, где пласт выражения гармонирует с содержанием и образует понимание как значимый концепт философии М. К. Мамардашвили.

Эксплицированный формально-технический аспект стиля философствования М. К. Мамардашвили, его «респонзивно-эпиграфологическая» техника мысли предлагают целый спектр интерпретационных практик, которые не только затрагивают сокровенно-индивидуальное начало в самом реципиенте, но и способны воплотить целостное знание о человеческом существовании как уникальном и неповторимом, где человек является абсолютной «точкой» отсчета, создателем и творцом собственной жизни и истории в субстанциональном акте «самособирания».

«Цитаты-эпиграфы» – это не только практика обнаружения сокрытых экзистенциальных смыслов, аутентичный способ сделать эти смыслы явленными, но и техника, благодаря которой понимаются и устанавливаются аксиологические границы человеческого бытия. Целостное экзистенциальное оформление философская мысль М. К. Мамардашвили обретает через множество «цитат-эпиграфов»: «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно...», «несчастные не страдают...», «притяжения пропорциональны судьбам...» – каждая из которых нуждается в отдельных работах для истолкования.

Феномен «респонзивности» – это не только феномен отклика на «зов бытия» (М. Хайдеггер), это техника «рекуррентной» (возвратной) рефлексии, обращенной к собственному же истоку и началу и, что особенно важно, побуждение к подобного рода рефлексии. «Эпиграф» выступает триггером процесса изначально «откликающегося» сознания, который помогает последовательно разворачивать глубинные механизмы экзистенции и актуализирует ценность «самоосуществления» человека. «Респонзивность» – это форма свободного, уникального в своей самобытности мышления без надежды, гарантий и иллюзий. Мыслитель особо подчеркивает необходимость «сознательного режима существования», обретения осмысленной и индивидуальной жизненной позиции, «понимания» и осознанности собственной судьбы, которая изначально не предначертана человеку. Мыслительная техника философа предполагает возможность ее применения к антропологическим конституантам, где сам когитальный субъект максимально активен и открыт для самотрансформации.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной темы возможен не просто анализ феномена «респонзивности» и «эпиграфологичности» в философии М. К. Мамардашвили, но аналитика влияния данной техники мышления на философию современного автомодернизма (П. Сингер), где весомой составляющей является необходимость прояснения эмоционально-пафосной парадигмы человеческого существования вне условности формализации и ритуализации, в своей исконной самобытной эстезисности.

Материалы исследования | Research materials

1. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс; Культура, 1992.
2. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995.
3. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: лекции, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996.
4. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института; Журнал «Нева», 1997.
5. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011.
6. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Источники | References

1. Барышников В. П. Аксиология личностного бытия: монография. М.: Логос, 2005.
2. Беккер О., Гайгер М., Дюфрен М., Ришир М. Феноменология и эстетика. М.: Рипол классик; Панглосс, 2019.
3. Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер / сост. Е. М. Мамардашвили. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2016.
4. Гагарин А. С. Одиночество как экзистенциал античной мысли // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения философии Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 1.
5. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
6. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2.
7. Григорьян Б. Т. Философия о сущности человека. М.: Политиздат, 1973.
8. Гуревич П. С. Проблема целостности человека. М.: ИФ РАН, 2004.
9. Гуревич П. С. Расколочность человеческого бытия / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2009.
10. Гуревич П. С. Эстетика: учебное пособие. М.: Кнорус, 2011.
11. Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005.
12. Доброхотов А. Л. Мысль на путях жизни. Мераб Мамардашвили. Лекции о Прусте. М. «Ad Marginem». 1995. 547 стр. // Новый мир. 1996. № 3.
13. Калинин В. В. Понятия «классического» и «неклассического» в философии М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004.
14. Кругликов В. А. Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили // Конгениальность мысли: философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили, 1992 г.: научные статьи и дискуссии / ред.-сост. В. А. Кругликов. М.: Прогресс; Культура, 1994.
15. Лехциер В. Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Изд-во Самарского университета, 2007.
16. Лосев А. Ф. Учение о стиле / общ. ред. и сост. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; вступ. ст. К. В. Зенкина. М. – СПб.: Нестор-История, 2019.
17. Мамардашвили М. К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Театр. 1989. № 3.
18. Ознобкина Е. В. Мыслить Прустом, мыслить Декартом, мыслить Кантом: заметки о стиле Мераба Мамардашвили // Произведенное и названное: философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. М.: Ad Marginem, 1998.
19. Петрык Я. Ю. «Несчастливые не страдают...» (экспликация эстетического экзистенциализма М. К. Мамардашвили): монография. Новосибирск: СибАК, 2023.
20. Подорога В. А. Апология политического // Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: сравнительный анализ стилей мышления). М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
21. Подорога В. А. Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М.: Канон+; Реабилитация, 2021.
22. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб. – М.: Machina; Академический Проект, 2004.
23. Сартр Ж.-П. Очерки теории эмоций // Психология эмоций: тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
24. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер. В. В. Бибихин. М.: Республика, 1993.

Информация об авторах | Author information

Петрык Янина Юрьевна¹, к. филос. н.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Yanina Yurievna Petryk¹, PhD

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ p_yanina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.04.2026; опубликовано online (published online): 29.04.2026.

Ключевые слова (keywords): стиль мышления; эстетический экзистенциализм М. К. Мамардашвили; топология мысли; пространство мышления; техника мысли; style of thinking; M. K. Mamardashvili's aesthetic existentialism; topology of thought; thinking space; technique of thought.